П34
115

П 34
115

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

11

ГОД
ИЗДАНИЯ
XXXIII

1965

М. ШТОКМАР

СТИХОТВОРНАЯ ФОРМА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК, ЗАГАДОК, ПРИБАУТОК

Изучение наиболее миниатюрных форм народно-поэтического творчества — пословиц, поговорок, загадок и т. п.— связано с большими трудностями в смысле выбора подлинно фольклорного материала. Собиратели по большей части стремились лишь к максимальной полноте своих записей. Между тем, как справедливо считала М. А. Рыбникова, подлинно научными являются те записи, которые «связывают пословицу с определенной социальной средой, поколением, географическим местом. Исследователь видит, кто произносит такую пословицу, в какой среде, в каких районах она держится».[1]

Впрочем, строго осуждать некоторых собирателей за невнимание к этим вопросам не приходится, поскольку пословицы и поговорки, составляя неотъемлемый фразеологический элемент живого разговорного языка, легко запоминались и перемещались в иную среду, а многие — полностью утрачивали следы своего происхождения. Иллюстрацией таких перемещений может до некоторой степени служить взаимодействие народных источников с литературой, причем в высшей степени показательно, что не только литературный язык обогащается народными пословицами, но удачные литературные образы и афоризмы нередко становятся широко употребительными пословицами и поговорками, которые трудно отличить от подлинно народных. Богатый материал в том и другом направлении дает творчество русских баснописцев. Так, в басне И. Хемницера «Дворовая собака» мы читаем:

Вперед, собака, знай, когда еще не знала,
Что многие умеют мягко стлать,
Да жестко спать.
Собаки добрые с двора на двор не рыщут,
И от добра добра не ищут.

Здесь в тексте басни использованы две пословицы несомненно народного происхождения. Подобные заимствования становятся особенно органическими в творчестве И. А. Крылова. Но у него в то же время в баснях множество таких выражений, которые прочно вошли в речевой обиход уже не столько в качестве литературных цитат, сколько пословиц или поговорок, например: «Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона», «А Васька слушает, да ест», «Ты сер, а я, приятель, сед», «А ларчик просто открывался». Эти стихи Крылова легко найти в сборниках пословиц уже со второй половины XIX века.

---

[1] М. А. Рыбникова. Русские пословицы и поговорки. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 30.

Однако размежевание пословиц и поговорок фольклорного и литературного происхождения во многих случаях не может быть проведено с такой категоричностью. Так, резюмирующая концовка Крылова «лучше пей, да дело разумей» настолько спаяна с содержанием его басни, что легко было бы поддаться соблазну считать Крылова подлинным автором этого широко распространенного изречения. Но, несколько видоизмененное и с иным осмыслением, оно встречается и у Пушкина в прозаической сцене из «Бориса Годунова»:

«Григорий. Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь, и я порой складно говорить умею.»

То же у Лермонтова в интермедиях гусляров, разделяющих главы «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»:

«Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте...»

Наличие подобных литературных параллелей делает более вероятным, что все три автора, независимо друг от друга, почерпнули эту формулу из живой народной речи, где она издавна существовала в качестве поговорки.

Сильно осложняет дело наличие пословиц и поговорок, переведенных с иностранных языков. Так, единственный автор специальной работы о ритмическом строе русских пословиц и поговорок И. И. Вознесенский дает определения стихотворных размеров в пословицах «О вкусах не спорят» и «Не торопясь поспешай»[1]. Между тем они вовсе не принадлежат к русским, а тем более народным пословицам и восходят к латинским изречениям „de gustibus non disputandumu“ и „festina lente“.

Несомненным переводом с французского, и притом основанным на недоразумении, является широко распространенная поговорка «он не в своей тарелке» (Даль, 867) — „il n'est pas dans son assiette“. Слово „assiette“ по-французски означает не только «тарелка», но и «положение». Пушкин, встретив интересующую нас поговорку в «Горе от ума», отметил в «Заметках и афоризмах разных годов» это второе значение слова „assiette“, а русский перевод квалифицировал как каламбур. Но тот же оборот речи встречается и в 4-й главе неоконченного романа Лермонтова «Княгиня Лиговская». Таким образом, более вероятно, что первоначально произошла простая ошибка переводчика, причем во времена Грибоедова и Лермонтова это нелепое выражение стало уже привычным, а его первоисточник восходит скорее всего к XVIII веку.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что пословицы и поговорки, особенно старинные, прожившие долгий век, испытывают множество видоизменений как по форме, так и по содержанию. Передаваясь из уст в уста, они приспосабливаются к условиям времени, к вкусам и пониманию говорящего, и это порождает многочисленные варианты одной и той же пословицы, причем отличить производные и позднейшие не всегда возможно. Нередко мы имеем дело не с подлинной пословицей, а с пересказом ее содержания, в котором форма составляет весьма гадательную величину. К тому же многие издатели пословиц и поговорок считали своим правом и обязанностью «приводить в порядок», т. е. редактировать и переделывать собранный материал по собственному усмотрению. Особенно ретиво трудились в этом направлении люди, так или иначе причастные к поэтическому творчеству, как, например, автор «Душеньки», поэт XVIII века

---

[1] И. И. Вознесенский. О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа, Кострома, 1908, стр. 9 и 15.

И. Богданович, который опубликовал сборник пословиц (СПб, 1785), вызвавший позднее многочисленные нарекания.

В обширных многотысячных собраниях пословиц и поговорок следует учитывать, что даже при самоограничении основного собирателя, поправки могли исходить от недоступных контролю помощников и корреспондентов, которые вносили в его коллекцию свою доброжелательную лепту.

Таким образом, если и верно мнение некоторых литературоведов, что форма пословицы в процессе долговременного употребления постепенно отшлифовывалась, то это может потребовать оговорок относительно фольклорного происхождения подобной шлифовки. К тому же наиболее старинные записи, сделанные в конце XVII и XVIII веков, хотя и далеки от начальной стадии пословичного жанра, все же позволяют в ряде случаев судить, что позднейшие изменения нанесли ущерб стихотворному складу пословиц. Сравним старые варианты с новыми (со второй половины XIX века)[1].

В современном языке:

Улита едет, когда-то будет?

В рукописном сборнике конца XVII века и у Богданова:

Улита едет — коли то будет (П., 17 в., 145, Богд., 113).

В современном:

Гром не грянет, мужик не перекрестится.

В рукописном сборнике XVII—XVIII вв.:

Гром не грянет, мужик не спрянет (Р., 17—18 в., 215).

Легко заметить, что в приведенных разновременных редакциях одной и той же пословицы «шлифовка» состояла в замене форм, свойственных языку крестьян, соответствующими литературными, и, таким образом, пословица обезличивалась в социальном отношении, а ее стихотворный склад разрушался или испытывал значительный урон.

Названные выше обстоятельства осложняют задачу историко-литературного изучения стихотворной формы пословиц, поговорок, загадок и т. п. Отсеивать необходимо не только тексты книжного и иноязычного происхождения, но и включенные по недоразумению в состав пословиц отрывки и формулы, заимствованные из народных песен, былин и сказок. Нужно также исключить своеобразный жанр народных анекдотов-диалогов, по большей части прозаических, которые резко отличаются от пословиц своей интонацией:

Выпьем?— Выпьем.— А деньги где?— А шапка-то у тебя на что? (Д., 111);

Здравствуй, сват!— Да по дрова поехал.— Что везешь?— Сено.— Какое сено, ведь это дрова?— А коли видишь, так что спрашиваешь. (Д., 459);

---

[1] Здесь и далее пользуемся следующими сокращенными обозначениями: П., 17 в.— Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту, в сборнике XVII века Моск. гл. архива Минист. иност. дел. Опубликов. в кн.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, собр. и приготов. к печати П. Симони, вып. I—II, СПб, 1899 (Сб. Отд. рус. яз. и слов. ИАН, т. LXVI, № 7), стр. 73—162.

Р, 17—18 в.—Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени (конца XVII — начала XVIII столетия), хранящийся в Б-ке ИАН, опубликов. там же, стр. 173—216.

Тат.— Сборник пословиц В. Н. Татищева, в кн.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков, Изд. АН СССР, М.-Л. 1961, стр. 47—64.

Богд.— Сборник пословиц А. И. Богданова. Там же, стр. 65—118.

Д.— Пословицы русского народа. Сборник В. Даля, М., 1957.

Тексты цитируются в переводе на современную орфографию и пунктуацию, за исключением тех написаний, которые связаны с особенностями произношения или специально с ритмикой, рифмовкой и звуковыми повторами. (Примечание автора).

Окуля, что шьешь не оттуля? — А я, матушка, еще порою буду. (Д., 456);

Где шатался? — На базаре, все про француза слушал! — Что ж? — Да далече стоял, не слыхать было! (Д., 460);

Разбуди меня, мама, завтра пораньше! — Что так? — Да вот хлебушка-то ломоть доесть: теперя уж не смогу. (Д., 677).

Таким образом, при использовании любого собрания, не исключая и самых солидных, приходится постоянно иметь в виду необходимость отбора надежного материала, относящегося к нашей теме, причем возможность отдельных ошибочных решений далеко не исключена.

В основу настоящей статьи положено собрание Даля — наиболее полное из существующих и неразрывно связанное с «Толковым словарем», которым Даль внес ценнейший вклад в изучение истории русского языка. Однако при всех неоспоримых достоинствах сборника Даля не приходится закрывать глаза на его недостатки. Как и ряд других собирателей, Даль примешивал к подлинно народным пословицам изречения и афоризмы книжного, церковного и переводного происхождения, а также пополнял коллекцию из собраний своих предшественников, в силу чего тексты не могут быть признаны однородными. Поэтому, во избежание параллелизма, было нецелесообразно пользоваться широко известными, но менее полными сборниками И. М. Снегирева, И. И. Иллюстрова и др., которые давали не столь обширный и по большей части совпадающий, а к тому же нередко явно препарированный материал. Кроме Даля мы использовали: четыре старинных собрания «Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту», записанные в конце XVII века; Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени (конца XVII — начала XVIII столетия) — оба изданные в 1899 г. П. Симони; сборники пословиц В. Н. Татищева и А. И. Богданова, составленные в первой половине XVIII в. (опубл. в серии «Памятники русского фольклора» АН СССР, 1961). Из этих собраний наибольший интерес представляет первое, в котором посторонние примеси, как и в других, имеются в изобилии, но гораздо менее чувствуется редакторское вмешательство записывающего и не дает себя знать опустошительное влияние цензурных ограничений.

Мы пришли к выводу о нецелесообразности размежевания пословиц, поговорок, прибауток, загадок в процессе анализа. Наиболее своеобразный из перечисленных выше жанров — загадка — основывается на иносказании. Но иносказание, хотя бы и более примитивное, в высшей степени характерно и для пословицы, а их структурные признаки не поддаются отчетливому разграничению.

Очень хрупки, например, границы между пословицами и поговорками. Большинство собирателей и исследователей считает, что поговорка есть образное выражение, сделавшееся широко употребительным в речевом обиходе, а пословица, также заключая в себе элементы образности, обязательно составляет суждение. Эти определения можно признать удовлетворительными — они по большей части оправдываются материалом и плодотворны для исследовательской практики. Но было бы полезно дополнить их некоторыми формулировками, касающимися структуры пословиц и поговорок. Поговорка, в качестве образного выражения, имеет преимущественно одночастное строение, а пословица — двухчастное (иногда и более), причем суждение помещается обычно во второй части пословицы, а его предмет — в первой. В соответствии с этим мы считаем поговорками следующие примеры:

Сбоку припека (Богд., 109);

Хорош гусь (Д., 162);

Без году неделя (Д., 567);

Не в осуд будь сказано (Д., 680);

Легок на помине (Д., 706);
И глаз не кажет (Д., 781);
Через край хлебнул (Д., 792);
Лыка не вяжет (Д., 792).

В близости поговорок к пословицам легко убедиться, когда поговорка появляется вследствие распада некогда существовавшей пословицы. Так, в современном разговорном языке широко употребительны не совсем ясные по своему значению поговорки «голод — не тетка» и «чудеса в решете». Между тем, в прошлом они составляли часть пословиц, которые вполне проясняют их смысл:

Голод не тетка — пирожка не подсунет (П., 17 в., 91);
Чудеса в решете: дыр много, а вылезть негде (Богд., 117).

В современном языке о равнодушном человеке часто говорят: «Ему как с гуся вода». Между тем эта поговорка еще в XI веке была пословицей, причем возможно, что в старину она имела смысл заклинания:

Лейся беда, что с гуся вода (Д., 72).

Мы не станем приводить специальных образцов двухчастной пословицы — большинство примеров, цитируемых в дальнейшем, подходит под эту категорию. Значительно реже встречающаяся четырехчастная пословица обычно отчетливо членится на две половины, с более или менее выдержанным синтаксическим параллелизмом, который чаще всего основывается на противоположении, например:

Хлеба край — и под елью рай, хлеба ни куска — и в палатах возьмет тоска (Р., 17—18 в., 200);
На красный цветок пчелка летит, а на старую бабу и чёрт не глядит (Богд., 98);
До нас люди жили — много говорили: не помрем, так и мы поврем (Д., 416);
Хочешь быть сыт, садись подле хозяйки, хочешь быть пьян, садись подле хозяина (Д., 785).

Элементы синтаксического параллелизма могут возникнуть и на основе разъяснительной функции второй половины пословицы:

Пришлось на печи сидеть сватье: застала зима в летнем платье (Д., 492).

Впрочем, разъяснительные задачи могут разрешаться и вне параллелизма:

Не смотри вверх, смотри под ноги — чего не найдешь, так ноги не зашибешь (Богд., 102).

Членение четырехчастной пословицы может возникнуть и в том случае, если имеет место последовательное нанизывание аналогичных словесных формул:

Когда солнце орла пожрет, камень на воде всплывет, свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет (Д., 439);
Ходи — не шатайся, говори — не заикайся, ешь — не объедайся, стой — не качайся! (Д., 477).

В трехчастной пословице, которая составляет еще бо́льшую редкость, чем четырехчастная, преобладает структура вида, основанного на однотипном нанизывании подробностей:

По образу Никола, по усу Илья, по уму свинья (Р., 17—18 в., 204);
Тесть любит честь, зять любит взять, а шурин глаза щурит. (Д., 393);
Сын в отца, отец во пса, а все в бешеную собаку (Д., 722).

Но бывает непропорциональное деление, когда вывод заключается в третьей части пословицы, а первые две посвящены условию:

Поповы дети, что соловые кони: редко удаются (Богд., 106);

Не надобно ни гроша, а надобна мошна, чтобы краюшка вошла (Д., 679).

Интересен образец трехчастной пословицы, более похожей на прибаутку или рекламные зазывания разносчиков:

Милости прошу к нашему грошу со своим пятаком (Д., 662).

До сих пор мы предпочитали оперировать нейтральной терминологией, которая в равной мере подходит и к прозаической, и к стихотворным пословицам и поговоркам. Трудно судить, каковы подлинные количественные пропорции между ними, т. к. прозаический пересказ пословиц, разрушавший стихотворную форму, несомненно был широко распространен. Но как бы там ни было, нельзя сомневаться, что прозаические пословицы существовали в изобилии, так что игнорировать их было бы неосмотрительным, например:

Клеёк да рубанок столяру отцы родные (Д., 521);

Есть шуба и на волке, да пришита (Д., 586);

Сытый волк смирнее ненасытного человека (Д., 675).

Переходя к стихотворным пословицам в собственном смысле слова, мы, естественно, должны заменить их двухчастную структуру понятием двустишия. Многие ценители и знатоки пословиц (в частности А. М. Горький) считали, что большинство пословиц сложено двустишиями. Это определение представляется нам правильным, несмотря на то, что в печатных изданиях пословицы публикуются (вероятно, по соображениям экономии места) в строку, без внутреннего членения. Чтобы не подать повода для обвинений в тенденциозности и переработке материала, мы будем приводить пословицы в их подлинном виде и оперировать понятием **полустишия.** Это не меняет существа дела, поскольку полустишия пословицы обладают большой структурной самостоятельностью, в частности, ясно выраженной клаузулой, нередко зарифмованной с окончанием стиха. Некоторая терминологическая неловкость создается лишь в тех случаях, когда в пословице окажется не два полустишия, а три и более.

Поскольку выше были приведены образцы синтаксического параллелизма в пословицах, необходимо здесь же сказать несколько слов о попытках некоторых исследователей усмотреть в параллелизме стилистическую основу стихотворного склада пословицы. Как известно, параллелизмы часто встречаются во всех жанрах народно-поэтического творчества, а в пословицах они делают особенно ощутимым внутреннее членение и соразмерность ее частей:

Пьяного речь, а трезвого мысль (П., 17 в., 134);

Подальше положишь, поближе возьмешь (Д., 113).

Однако параллелизм охватывает далеко не большинство пословиц, а когда он и имеет место, то его нередко сопровождают те или иные звуковые соответствия, например:

Либо сена клок, либо вилы в бок (П., 17 в., 117);

Вас кормит море, а нас томит горе (Р., 17—18 в., 178);

Всяк про правду трубит, да не всяк правду любит (Д., 201).

К области стилистики относится и совершенно необязательная, но все же характерная для пословиц игра словами, тождественными или происходящими от одного корня, в результате чего также появляются звуковые переклички и повторы, подчеркивающие смысловую выразительность пословицы.

Стилистическая и синтаксическая пропорциональность многих пословиц и поговорок отражается и на их ритмической структуре в собственном смысле слова. Хотя небольшой объем народных изречений ограничивает возможность образования ритмической инерции, все же равноударность полустиший нередко воспринимается весьма отчетливо:

Остатки сладки (Д., 496);

В долгу, как в шелку (Д., 537).

Особенно часто встречаются пословицы, в которых каждое полустишие имеет два сильных ударения:

Лиса придет — и курица раскудахчется (Д., 143);

Можно поправить, да будет хуже (Д., 459);

Двое плешивых за гребень дерутся (Д., 460);

Сын дураков уж с роду таков (Д., 725).

При трехударном строении полустиший их пропорциональность становится еще более ощутимой:

Нужда семерых задавила, а радость одному досталась (Д., 140);

Батюшкой назвать не хочется, свекром назвать — рассердится (Д., 493);

Купить-то внучек купит, а продать и дед намается (Д., 532).

Пословицы с четырехударными полустишиями встречаются гораздо реже:

Левой рукой мосол кажи, в правой руке плеть держи! (Д., 671);

Несподручно бабе с медведем бороться; того и гляди, юбка раздерется (Д., 831).

Следует отметить, что даже при неоднородных клаузулах ритмическая организованность пословицы воспринимается вполне отчетливо, например:

Сухая ложка рот дерет (Богд., 112);

Неладно скроен, да крепко сшит (Д., 631).

Как и в других народно-поэтических жанрах, хореические и ямбические ритмы пословиц и поговорок не высказывают антагонизма и легко совмещаются друг с другом, чего совершенно не допускали в «литературном» стихосложении наши поэты-классики:

Ахнешь, дядя, на тетку глядя (Р., 17—18 в., 174);

Голодный рыщет — хлеба ищет (Богд., 75);

Дворянином жить не сможется, а смердом жить не хочется (Богд., 77);

Слепой на нищем ничего не взыщет (Д., 549);

Снегу много — и хлеба много (Д., 911).

Среди других тонико-силлабических размеров особенно часто встречаются в пословицах и поговорках трехсложные ритмы, например, дактили (приводим без разделения по клаузулам):

Рожь да пшеница годом родится (Р., 17—18 в., 194);

Дальние проводы — лишние слезы (Тат., 51);

Прежде закон, нежели грех (Тат., 61);

Счастье с бессчастьем — вёдро с ненастьем (Д., 67).

Амфибрахии:

Ершова уха, да ложка суха (П., 17 в., 99);

Под лавкой лежать, собакой урчать (Р., 17—18 в., 206);

Ерема, Ерема, сидел бы ты дома (Богд., 79);

По пляске погудка, по песне припев (Д., 233);

Была под венцом — и дело с концом (Д., 297);

Сказал бы словечко, да волк недалечко (Д., 413);

Высоко летаешь, да низко садишься (Д., 733).

Анапесты:

Оглянися назад, не горит ли посад (П. 17 в., 130);

Либо в стремя ногой, либо в пень головой (Д., 77);

Не пеняй на соседа, когда спишь до обеда (Д., 510).

Но еще большим распространением пользуются в пословицах трехсложники с теми или иными вариациями анакруз, которые, как известно, были не чужды и русскому литературному стихосложению:

Бешену мужу и море за лужу (П., 17 в., 82);

Взялся за гуж, не говори, что не дюж (П., 17 в., 86);

Никто не бывал, а у девки дитя (П., 17 в., 129);
Пытки не будет, а кнута не минуть (П., 17 в., 134);
Воз под горою, а вожжи в руках (Тат., 48);
Счастлив игрой, да несчастлив женой (Д., 55);
Счастье не конь: хомута не наденешь (Д., 72);
Битому псу только плеть покажи (Д., 213);
Женишься раз, а плачешься век (Д., 361);
Должен, не спорю; отдам, да не скоро (Д., 649);
Посеешь в погоду — больше приплоду (Д., 906);
Под одним колпаком семьсот казаков (маковка) [*заг.*], (Д., 958).

Большой интерес привлекают пословицы с четырехсложной периодичностью постановки ударений, поскольку подобная ритмика преобладала в древнейших формах народного эпоса и лирики. Разумеется, нет оснований ожидать, чтобы пословицы, возникшие много столетий тому назад, могли сохраниться в своем первоначальном виде. Находясь в постоянном обращении, которое составляло обязательное условие их живучести, они неизбежно подновлялись и перерабатывались соответственно историческим изменениям, происходившим в лексическом составе и фонетической структуре русского языка. Но как типологическая категория четырехсложная ритмика должна была оставить заметные следы и в пословицах русского народа. И действительно, четырехсложная периодичность ударений встречается в стихотворных пословицах нередко, хотя клаузулы уже преобладают мужские и женские, а не дактилические, как можно было бы ожидать по аналогии с «большими» жанрами народного творчества.

Четырехсложники с мужскими окончаниями:
Во всяком мудреце довольно простоты (П., 17 в., 88);
С сильным не борись, а с богатым не тяжись (П., 17 в., 139);
Быть было беде, да деньги на бедре (Р., 17—18 в., 174);
Было ремесло, да хмелем заросло (Р., 17—18 в., 176);
Счастье без ума — дырявая сума (Д., 66);
Правду говорить — никому не угодить (Д., 199);
Не по хорошу мил, а по милу хорош (Д., 465);
Богу-то молись, да и черту не груби! (Д., 670).

Четырехсложники с женскими окончаниями:
Дорого да мило, а дешево да гнило (П., 17 в., 94);
Пусть бы не любили, только бы боялись (Д., 218);
Красно, да полиняло; умно, да поветшало (Д., 297);
Умыкали Савраску горы да овражки (Д., 506).

Четырехсложник с дактилическими окончаниями:
Богатому — как хочется, а бедному — как можется (Д., 95).

Четырехсложники с неоднородными окончаниями:
Равные обычаи — крепкая любовь (Тат., 61);
Маленькая собачка до старости щенок (Д., 545).

Пятисложные ритмы встречаются в пословицах редко:
Черного кобеля не вымоешь добела (Д., 198);
Слово не воробей: вылетит — не поймаешь (Д., 417).

Впрочем, у Даля зарегистрирован пример безукоризненного «сугубого амфибрахия»:
Хоть и холодно, да не голодно (Д., 55).

Картина ритмики русских народных пословиц и поговорок была бы неполной, если бы мы не отметили еще одну ритмическую форму, которая выходит за пределы обычных возможностей народного стихосложения. В то время как в былинах и лирических песнях старинного склада всячески избегается непосредственное соседство ударений, пословицы не только допускают такое соседство, но иногда проводят его настолько нарочито и подчеркнуто, что здесь мы, очевидно, имеем дело

не с случайными недосмотрами или порчей текста, а с сознательно применяемыми выразительными формами ритма:

Богат шел в пир, а убог брел в мир (П., 17 в., 80);
Жить весело, да есть нечево (П., 17 в., 101);
Пить пиво — сидеть криво (П., 17 в., 134);
Рад другу, да бресть к плугу (П., 17 в., 137);
Времена шатки, береги шапки (Тат., 48);
Велик стол, а поесть нечево (Богд., 70);
Не дать — горе, а дать — вдвое (Богд., 100);
Страх путь кажет (Богд., 112);
Сыт стал — и стыд взял (Богд., 112);
Сидят вместе, а глядят врозь (Д., 263);
Век долог, да час дорог (Д., 507);
На языке мед, а под языком лед (Д., 660).

Изложенные выше наблюдения относительно ритмического строя стихотворных пословиц, поговорок, а отчасти и загадок приходилось иллюстрировать примерами, в которых большую роль часто играют также рифмовка и звуковые повторы различных видов и интенсивности. Рифма несет в пословице весьма важную ритмообразующую функцию — она по большей части отмечает границы и соотносительность ритмических рядов и, тем самым, облегчает восприятие стихотворного членения, в котором отражается пропорциональность ее частей:

Долго спать — долг наспать (П., 17 в., 96);
Ловцы рыбные — людцы гиблые (П., 17 в., 117);
Савва смешит, а саван страшит (П., 17 в., 141);
Не убить бобра, не нажить добра (Д., 56);
Без денег — бездельник (Д., 81);
Толкуй, Фетинья Савишна, про ботвинью давишню (Д., 458);
Снегу нету, и следу нету (Д., 574);
Своя рогожка чужой рожи дороже (Д., 611).

Нередко к рифмовке, отмечающей стиховое членение пословицы, присоединяется третья (и более) «внутренняя» рифма, которая повышает заметность звукового повтора и подчеркивает смысловую значимость рифмующих слов:

Видал, как мужик мед едал, ин мне не дал (Д., 62);
Только у молодца и золотца, что пуговка оловца (Д., 88);
Сума да тюрьма дадут ума (Д., 90);
Купила бы я накупила, да купило притупило (Д., 97);
Не тужи о ржи: только мешок держи (Д., 118);
У Фили пили, да Филю ж и побили (Д., 137);
Есть-то есть, да не про нашу честь (Д., 239);
Сходись — бранись, расходись — мирись (Д., 261);
Ушел Вавило на мотовило, да, видно, лесом задавило (Д., 421).

В пословицах встречается и сочетание внутренней рифмы с концевой в пределах одного стиха (полустишия), в то время как между собою стихи остаются незарифмованными:

Барашки у Малашки, а две сумы у Фомы (П., 17 в., 82);
Варлам ломит пополам, а Денис — со всяким делись (П., 17 в., 87);
Удача — кляча, лишь скачи, да кричи (П., 17 в., 146);
Тарас есть пряники горазд; а Филат бы и каше рад (Д., 87).

Случается и так, что в одном стихе (полустишии) имеет место описанное выше сочетание внутренней рифмы с концевой, а другой стих (полустишие) остается вовсе не зарифмованным:

В воре, как в море — правды не сыщешь (Богд., 71);
Беда не дуда: поиграв, не кинешь (Д., 141);
За морем телушка — полушка, да рубль перевозу (Д., 278);

Два конца, два кольца, а в середине гвоздик (ножницы) [*заг.*], (Д., 542).

Впрочем, возможен и такой случай, когда к начальной и концевой рифме первого стиха присоединяется внутренняя рифма во втором:

Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая! (Д., 153).

Изредка можно встретить сочетание концевой рифмы первого стиха с внутренней во втором стихе:

На своей улочке и курочка храбра (Д., 595);

Не помню, как крестился; а как родился, совсем забыл (Д., 850).

Самостоятельные внутренние рифмы, независимые от концевой рифмовки, в пословицах почти не употребляются:

Лето пролежишь, зимой с сумой побежишь (Д., 913).

В отношении слоговой структуры в рифмах пословиц и поговорок находят применение все виды клаузул, доступные русскому языку и, в частности, народно-поэтическому творчеству.

Мужские рифмы:

Баламут любит кнут (П., 17 в., 81);
В очах льстит, а за очи костит (Богд., 73);
Таков наш рок, что вилами в бок (Д., 60);
Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос (Д., 174);
У всякого словца ожидай конца! (Д., 496);
Мелка река, да круты берега! (Д., 545);
Конь не свой, погоняй, не стой! (Д., 662);
Поглядим, как друг по друге кутью поедим (Д., 850);
Сыпь коню мешком, так не будешь ходить пешком (Д., 941).

Женские рифмы:

Метил в ворону, а попал в корову (П., 17 в., 123);
Добрые вести не лежат на месте (Р., 17—18 в., 123);
Старость — не радость (Богд., 112);
Кому поживется, у того и петух несется (Д., 73);
Кобыла с волком мирилась, да домой не воротилась (Д., 264);
Нужда учит, а барщина мучит (Д., 503);
И один глаз, да зорок, не надобно сорок (Д., 544);
Нос долог, голос звонок (комар) [*заг.*], (Д., 963).

Дактилические рифмы:

Всякому досталось по Якову (П., 17 в., 89);
Говорил день до вечера, а слушать нечево (П., 17 в., 92);
Замок для глупого, а печать для умного (Тат., 53);
Не спрашивай старого — спрашивай бывалого (Богд., 102);
Лучше нищий праведный, чем богач ябедный (Д., 96);
На чужой сторонушке рад своей головушке (Д., 324);
Проголодается, так и сам догадается (Д., 488);
На всякую гадину есть рогатина (Д., 520);
Бородка Минина, да совесть глиняна (Д., 698).

Широко распространены в пословицах и поговорках неравноударные рифмы, но учитывать их приходится с большой осторожностью, так как в сборниках, составленных даже в XIX веке, лишь изредка помечаются ударения, допускающие двойственную постановку или прямо противоречащие языковому обиходу, например:

Просил осетр дожжа, в поле лежà (П., 17 в., 133).

Здесь вполне вероятно, что слово «лежа» несет ударение не на первом слоге, как мы привыкли, а на втором «лежа».

Аналогичное решение, по-видимому, следует вынести и относительно пословиц:

В гости на ногах, а из гостей на дровнях (П., 17 в., 85);
Орать пашню — купить квашню (П., 17 в., 131).

Значительно чаще, чем в «литературном» русском стихосложении

XVIII—XIX веков, можно встретить в пословицах составные рифмы, причем обращает на себя внимание, что звуковой повтор во многих случаях не ограничивается минимальным объемом рифмовки (ударяемый гласный и последующие звуки), но существенно обогащается за счет предударной части.

Мужские составные рифмы:

Пошел по канун, да и сам потонул (П., 17 в., 133);
Пить до дна, не видать добра (П., 17 в., 134);
Мороз невелик, а стоять не велит (Богд., 96);
Тужит Пахом, да не знает по ком (Д., 152);
Не под дождем: постоим да подождем (Д., 563).

Женские:

Пошла в клеть по масло, ин в печи погасло (П., 17 в., 133);
Был у тещи, да рад утекши (Д., 157);
Не бей по роже: себе дороже (Д., 267);
Прадеды ели просто, да жили лет по сту (Д., 301);
Отдай нищим, а самому ни́ с чем (Д., 630).

Дактилические:

Не всяка пуля по кости, иная и по́ пусту (Д., 55);
Указчику — чирей за̀ щеку (Д., 423).

Разумеется, обогащение рифмы в предударной части не принадлежит в качестве какой-то прерогативы лишь составным рифмам. Оно встречается и в обычной рифмовке пословиц и особенно рельефно выступает в мужских рифмах, послеударная часть которых сведена к минимуму, например:

Капусту садить — спине досадить (П., 17 в., 113);
Люди молотить, а мы замки колотить (Р., 17—18 в., 184);
Для милого дружка сережка из ушка (Тат., 51);
Серебро — чертово ребро (Тат., 62);
Денежка рубль бережет, а рубль голову стережет (Д., 83);
У наших зятей много затей (Д., 860).

О высоком уровне рифменной техники, достигнутом в некоторых пословицах, можно судить также и по тому, что в них встречаются омонимические рифмы:

У сыра дуба, у суха сука привязана сука (П., 17 в., 146);
Брюхо-то есть, да нечего есть (Д., 65);
Дети, дети, куда ж мне вас дети? (Д., 382);
На то свинье дано рыло, чтоб оно рыло (Д., 724).

Что подобные омонимы не являются случайными, можно убедиться на примере, где в обоих стихах (полустишиях) имеются самостоятельные и притом составные омонимические рифмы:

Я влез, и он в лес, я завяз, и он за вяз (Д., 460).

Разумеется, изложенные выше наблюдения и материалы не следует понимать в том смысле, что виртуозная рифмовка составляет своего рода правило или даже преобладающую тенденцию для основной массы стихотворных пословиц и поговорок. В них находят самое широкое применение и наиболее примитивные (с литературной точки зрения) суффиксально-флективные, в частности, глагольные рифмы, причем различие рифмующих слов очень часто сводится к вариации префиксов (приставок):

Век изжил, все прожил — горб нажил (Д., 68);
Сердитого унимать — пуще поднимать (Д., 131);
Час в добре пробудешь — все горе забудешь (Д., 154);
Неправая нажива — детям не разжива (Д., 187);
Глупый осудит, а умный рассудит (Д., 466);
От своих отстал, а к чужим не пристал (Д., 473).

Точность рифменных созвучий в пословицах весьма относительна и подвержена большим колебаниям. В качестве примеров разнообразных отступлений от точности в рифмовке пословиц и поговорок могут служить следующие мужские рифмы:

Зван на честь, а посажен на печь (П., 17 в., 108);
Хотя и гол, да не вор; хотя наг, да прав (Р., 17—18 в., 200);
Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел (Д., 185).

То же в женских рифмах:

Баба бредит, а чёрт ей верит (П., 17 в., 79);
Вор не тут крадет, где много, тут крадет, где плохо (П., 17 в., 89);
Жена упорна — ни мякиш, ни корка (П., 17 в., 100);
Зачем к Варваре, как свое в кармане (Д., 79);
Деньги — склока, а без них плохо (Д., 86);
То и полезно, что в рот полезло (Д., 113);
И сам тонет, и других топит (Д., 125);
Злое зелье не уйдет в землю (Д., 159);
Каковы сами, таковы и сани (Д., 232);
Вместе тесно, а розно тошно (Д., 372).

Неточности в дактилических рифмах:

Голос, что в тереме, а душа в венике (П., 17 в., 91);
Борода выросла, да ума не вынесла (Тат., 47);
В чем молод похвалишься, в том стар покаешься (Тат., 50).

Рифмы с разнозвучащими ударяемыми гласными («рифмы-диссонансы») у поэтов-классиков XVIII и XIX веков находились под запретом. Впервые ими стал часто пользоваться Маяковский. В пословицах и поговорках диссонирующие рифмы употреблялись почти наравне с обычными, и это чрезвычайно расширило рифменные возможности пословичного стиха:

Баба с кашкою, а дед с ложкою (П., 17 в., 78);
Девушка плачет, замуж хочет (П., 17 в., 96);
Каков в колыбельку, таков и в могилку (П., 17 в., 116);
Бояться волка, бегать и от белки (Р., 17—18 в., 176);
Велика Федора, да дура (Богд., 70);
И всякий выпьет, да не всякий крякнет (Д., 136);
Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого (Д., 149);
Обычай бычий, а ум телячий (Д., 266);
В мире, что в море (Д., 303).

Диссонирующие созвучия находят применение и в сочетаниях внутренних рифм с концевыми:

При матке все дети гладки (Богд., 107);
У богача денег — что у зюзи грязи (Д., 80);
Были бы крошки, а мышки будут (Д., 176).

Особенно любопытны тройственные диссонансы, образуемые внутренними и концевыми рифмами:

Всячино напечено, всего наворочено (Богд., 72);
Страшно видится: стерпится — слюбится (Д., 361);
Не всякое лыко в строку (Д., 418).

Многократные диссонансы иногда служат средством подчеркивания вариаций одного и того же слова:

Едет беда на беде, беду бедой погоняет (Д., 61);
Всех злее злых злая жена (Д., 376).

Довольно многочисленны в пословицах такие случаи, когда полнота рифмующего созвучия остается на высоком уровне, но оно выступает не как монолитный звуковой комплекс, а с посторонними прослойками, которые иногда распыляют элементы повтора на протяжении всего стиха:

Красно гумно стогами, а стол пирогами (П., 17 в., 115);

Пошла Настя по напастям (Д., 60);
Всяк хлопочет, себе добра хочет (Д., 124);
Живет на Дону, оставя дома жену (Д., 255);
Говорят наобум, а ты бери на ум! (Д., 475);
Слепой в баню торопится, а баня и не топится (Д., 565).

Подобные факты в сущности неотделимы от тех явлений, которые в стиховедении XX века принято называть «инструментовкой» стиха.

Вот пословица:

Цело стадо — пастырю радость (П., 17 в., 154).

Здесь в рифме «стадо — радость» имеет место перестановка элементов созвучия. Но в словосочетании «пастырю радость» содержится также «распыленная» рифма в прямой последовательности к слову «стадо».

Понятием «инструментовки» исследователи нередко злоупотребляют, опираясь на случайные совпадения звуков, которые в любой человеческой речи неизбежны. Но в русской пословице мы нередко сталкиваемся с такими яркими звуковыми повторами самых разнообразных типов, что приходится констатировать высокое художественное мастерство. Проанализируем несколько примеров:

Мирская молва, что морская волна (П., 17 в., 122).

Эта популярная в наше время пословица, как мы видим, зарегистрирована и в старейшем из рукописных сборников, относящемся к XVII веку. Здесь, кроме начальной аллитерации на «м», проходящей через оба полустишия, обращает на себя внимание замечательная рифма «молва — волна», а также обширный звуковой повтор (внутренняя рифма) «мирская — морская» с разнозвучанием лишь неударяемого гласного.

Со ста дворов стадо коров (П., 17 в., 141).

В этой дактилической пословице, кроме весьма полноценных концевых рифм («дворов — коров») имеется внутренний звуковой повтор, при помощи которого в первом полустишии воспроизведено по частям слово второго полустишия «стадо», но акцентные соотношения изменены: в сочетании «со ста» слово «ста» не несет ударения.

Садила баба бобы, а уродилися клопы (Богд., 109).

Здесь концевые рифмы поддержаны в первом полустишии неравноударным, но очень ощутимым звуковым повтором «баба — бобы» и, кроме того, между полустишиями имеется более тонкое звуковое соответствие «садила — уродился».

Тать у татя перекрал утятя (Богд., 112).

В этой пословице интересная составная рифма «у татя — утятя» в первом полустишии усилена словесным и звуковым повтором «тать у татя».

Возможны и такие случаи, когда концевая рифмовка отсутствует, но тройственный внутренний повтор достаточно ярок, чтобы служить показателем звуковой «складности» пословицы:

Чай, примечай, куда чайки летят (Д., 475).

Рассмотренные выше примеры, думается, достаточны, чтобы обратить внимание читателя на разнообразные формы народной «инструментовки», которые представлены в следующих пословицах:

Сова о сове, а всяк о себе (П., 17 в., 139);
За мужем жена — всегда госпожа (Богд., 81);
В хороший год — хорош и приплод (Д., 75);
Никто того не ведает, как бедный обедает (Д., 95);
Чужое добро ребром выпрет (Д., 187);
Отказ не обух, шишек на лбу не будет (Д., 234);
Жили, жили, да и жилы порвали (Д., 282);
Не боюсь богатых гроз, боюсь убогих слез (Д., 306);

Не годы, а горе старит (Д., 352);
Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан (Д., 472);
Каково кому на дому — неведомо никому (Д., 609);
Около бобра не обобрать, а всего ободрать (Д., 639);
Сила солому ломит (Д., 835).

Совершенствование рифмы и возрастающая роль, которую она играет в стихотворной технике пословиц, проливает свет на возникновение (по-видимому, в сравнительно недавнее время) особого фольклорного жанра прибауток, в котором рифме принадлежит первенствующее значение. Например, в собрании В. Даля мы читаем:

Жил был царь, у царя псарь, да не было пса — и сказка вся (Д., 497).

Разумеется, это не пословица или поговорка, и еще менее того — сказка, а между тем Даль заслуживает только благодарности за ее включение в сборник. Здесь мы имеем дело с рифмованной прибауткой.

Разгадать непосредственный повод к возникновению той или иной прибаутки не всегда возможно. Сравните, например:

У нашего соседа — веселая беседа: гуси в гусли, утки в дудки, овцы в донцы, тараканы в барабаны (Д., 785);

Позвал поп кота середи поста: поди, кот, возьми пирога в рот; а кот привел с собой и кошурку, да и сел с нею в печурку (Д., 978).

Но в некоторых случаях помогают делу пометки и пояснения собирателя. Вот, например, несомненная «считалка»:

«Первой, другой — согнул дугой; три, четыре — прискочили; пять, шесть — бьют шерсть; семь, восемь — сено косим; девять, десять — девок весить; одиннадцать, двенадцать — некуда деваться (конаются)» (Д., 558).

Следующая прибаутка, очевидно, сопровождала угощение:

«Ешь, дружки, набивай брюшки по самые ушки, точно камешки» (Д., 783).

Сходны с прибаутками выкрики ямщиков и рекламные зазывания коробейников, разносчиков, ярмарочных торговцев:

Ах вы, голубчики, сивые, буланые, постромки рваные! (Д., 540);

По всем по трем, коренной не тронь, а кроме коренной, нет ни одной (Д., 540);

Ребята, ребята, коли хотите жить богато, покупайте нитки да зашивайте дырки (Д., 581);

Подь — дойди; эх, вкус французский, гусь заморский, баранинка низовая, мучка сортовая; подь — дойди [*пирожники*] (Д., 541);

По ягоду, по клюкву, по хорошу, крупну; я из города Мурома, я барина бурого; я из города Ростова, я барина Толстова;

Вались народ от Яузских ворот! (Д., 540).

Нетрудно заметить, что рифмованные прибаутки и раешники имеют многочастное строение, которое допускает неограниченное нанизывание новых острот, скрепленных между собой лишь рифмой, и, таким образом, они существенно отличаются от тяготения к пропорциональности, характерной для пословиц.

* * *

Заканчивая описание элементов стихотворной формы, которые можно наблюдать в имеющихся сборниках пословиц, поговорок, загадок, прибауток, необходимо хотя бы в самых общих чертах попытаться наметить наиболее вероятные этапы исторического развития этих фольклорных жанров. Старейшие этнографические записи, которыми мы располагаем, относятся всего лишь к концу XVII века. Между тем нельзя сомневаться, что пословицы, поговорки, а возможно и загадки, принадлежат к числу весьма древних проявлений народно-поэтического

творчества и, таким образом, относительно наиболее удаленного по времени обширного периода их развития можно судить только на основании тех рудиментов, которые запечатлены в сравнительно недавних записях, а также изречений, приближающихся к складу пословиц (но с поправкой на «книжность»), которые вошли в памятники древней письменности («Слово Даниила Заточника», «Поучение Владимира Мономаха» и др.).

Нам представляется вероятным, что зародыши пословиц, близкие по своим очертаниям к поговорке, издавна импровизировались непосредственно в процессе живой разговорной речи и, в силу своей образности и меткости, закреплялись в памяти беседующих. Но это запоминание не было пассивным — в нем присутствовала значительная доля творческой инициативы, которая была направлена в сторону заострения смысловой выразительности, неразрывной с совершенствованием формы.

В основе стихотворной формы пословицы лежит соразмерность ее частей, подсказываемая содержанием (условие — вывод), и отсюда органически происходит стиховое членение пословиц. Такая соразмерность выражается прежде всего в пропорциональности синтаксических конструкций.

Сейчас трудно судить, насколько значительную роль играла в древнейших пословицах периодичность расстановки ударений, т. к. в этом кратком говорном жанре инерция длительного сказывания и необходимость согласования с многократно повторяющимся напевом отпадали сами собой. Но создание полноценной в художественном отношении пословицы, помимо языковых предпосылок, не могло иметь иной опоры, кроме аналогии с эпическими и лирическими формами народно-поэтического творчества.

Нельзя сомневаться, что уже с давних времен значительная роль в пословицах и поговорках принадлежала рифме. Строго ограниченный объем пословицы делал особенно заметным любые звуковые соответствия, а повторы, замыкающие стих, подчеркивали стиховое членение.

Очевидно, пословицы были первым из народно-поэтических жанров, где зародилась рифмовка. Разумеется, первоначально она была довольно примитивной и лишь эпизодически выходила за пределы суффиксально-флективных, главным образом глагольных рифм, подсказываемых языковым обиходом. Но высокая и многообразная культура рифмы, которую мы наблюдаем в ряде записей XVII—XIX веков, с полной очевидностью демонстрирует, какой длительный путь накопления поэтического мастерства был пройден русской пословицей на предшествующих этапах ее развития.
